

Укрепления Московского Кремля и архитектурная теория в Италии XV века

© 2025

УДК 728.81(470-25)“15”
ББК 85.11
А49

Поступила в редакцию 10.04.2025

Укрепления Московского Кремля, построенные в правление великого князя Ивана III ренессансными мастерами, «несмотря на огромное значение для развития русской архитектуры и фортификационного искусства, остаются одними из наименее изученных» [Петров, 2014. С. 27]. Их место в контексте архитектурной теории и фортификационного искусства Италии XV в. до сих пор не рассматривалось как отдельная проблема.

Безусловно, так или иначе ее различные аспекты затрагивались в многочисленных публикациях, начиная с книги Ф.Ф. Ласковского 1858 г. и заканчивая современными исследованиями¹. Из недавних трудов особенного внимания заслуживают работы М.И. Мильчика [Мильчик, 2003], Д.А. Петрова [Петров, 2012; Он же, 2013; Он же, 2014], а также И.А. Воротниковой и В.М. Неделина [Воротникова, Неделин, 2013], в которых в том числе были подробно перечислены итальянские аналогии конкретным частям кремлевского оборонительного комплекса и даже его отдельным конструктивным и декоративным элементам.

В целом, ведущую с середины XIX столетия научную дискуссию о влиянии итальянских мастеров на фортификационное искусство в России конца XV — первой половины XVI в. можно свести к двум полярным точкам зрения. Согласно первой, «участие итальянских строителей в сооружении оборонительных оград в России не могло не иметь влияние на частные усовершенствования, хотя некоторые из них были неизбежным следствием введения огнестрельных орудий при обороне городов» [Ласковский, 1858. С. 256]. Например, к «усовершенствованиям» помимо широкого использования кирпича ис-

1 Статьи участников дискуссии, написанные сразу после круглого стола, опубликованы в журнале: Визуальная теология. 2024. Т. 6. № 2.

следователи относят регулярную планировку крепостей [Мильчик, 1994. С. 198]. Подробно нововведения итальянцев перечисляют, например, И.А. Воротникова и В.М. Неделин [Воротникова, Неделин, 2013. С. 14].

Согласно второй точке зрения, «итальянские мастера... не внесли чего-либо существенного в русское оборонное зодчество... В основном, боевая система крепостей сложилась на Руси еще до приезда итальянцев» [Косточин, 1962. С. 280–281]. Но эта дискуссия, применительно к фортификациям Московского Кремля, как будто не учитывает саму их историю: крепость, построенная итальянцами при великом князе Иване III, часто воспринимается как некий новый оборонительный комплекс, при этом упускается из виду то, что, по сути, это была постепенная замена уже имеющихся обветшавших крепостных сооружений: «... по мере возведения облик Кремля претерпевал серьезную трансформацию, причем завершенная крепость оказалась более могущественной и монументальной, чем можно было бы заключить по начальному этапу строительства» [Воробьев, Подъяпольский, 1985. С. 55]². Как известно, попытка такой частичной замены предпринималась и в самом начале правления великого князя — об этом сообщает Ермолинская летопись: «Того же лета стена поновлена городная отъ Свибловы стрелницы до Боровицких ворот камнем, предстательством Василия Дмитриева сына Ермолина»³. Поэтому, даже не смотря на то, что о белокаменном Кремле известно немного и его планировка отличалась от ныне существующего, нельзя забывать о нем, анализируя работу итальянских зодчих при великом князе Иване III (отметим, однако, что сравнение белокаменного и кирпичного вариантов Кремля не является задачей нашего исследования и заслуживает отдельного рассмотрения).

Сказанное выше ни в коем случае не является аргументом, подтверждающим правоту точки зрения, преуменьшающей значение вклада ренессансных зодчих в фортификационное искусство России и в формирование облика Московского Кремля. Как верно заметил А.Л. Баталов, «итальянские архитекторы, попадая в пространство позднего Средневековья, оставались мастерами эпохи Возрождения, мыслящими иными категориями творчества» [Баталов, 2016. С. 229]. И как раз для большего понимания их работы над укреплениями Московского Кремля важно подчеркнуть то обстоятельство, что перед ними стояла задача именно замены (перестройки) старых фортификаций, а не возведения совершенно новых: «Сложность перестройки Кремля заключалась в том, что замену белокаменных стен и башен на новые, кирпичные, следовало производить так, чтобы при этом ни на день не ослабить оборонительного потенциала крепости. Москва в военном отношении уже стояла прочно. Но все же превратности военного счастья и угрозу внезапного набега степняков

2 Об этом помимо различий между кремлевскими стенами и башнями, возведенными на разных этапах строительства, свидетельствует установленный А.В. Воробьевым и С.С. Подъяпольским факт перестройки Беклемишевской башни сразу после возведения [Воробьев, Подъяпольский, 1990].

3 ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 157. Подробнее об этом см.: [Перхавко, 1999. С. 21–23].

нельзя было сбрасывать со счета. Поэтому работы велись поэтапно, переходя от одного участка к другому» [Борисов, 2018. С.560]. Отметим, что в Италии XV в., помимо строительства новых крепостей и цитаделей, активно практиковались ремонт и перестройка средневековых оборонительных сооружений: в частности, этим занимались Джованни и Гвинифорте Солари, дед и отец Пьетро Антионио Солари, одного из главных строителей Московского Кремля [Алёшин, 2023. С. 46–52]. В контексте такой практики кремлевские укрепления прежде не рассматривались вовсе⁴.

Кроме того, их изучение осложняется и другими факторами. Во-первых, уникальностью памятника, его статусом главной крепости страны, тем фактом, что Кремль является центром столицы: из-за этого часто упускается из виду, что типологически Московский Кремль — это изначально городские укрепления, а не отдельная цитадель⁵. До появления Китай-города и последующих рубежей защиты Москвы кремлевские стены являлись городскими стенами.

Во-вторых, годы их создания — 1483–1495 гг.⁶ — вынуждают исследователей сравнивать Московский Кремль с памятниками «переходного периода» в истории европейского фортификационного искусства (1470 — 1520-е гг.), когда постепенно возникла новая бастионная система обороны, столь отличная от средневековой⁷, и рассматривать их в контексте теоретических идей Франческо ди Джорджо Мартини, учитывавших все возраставшую роль артиллерии в военных действиях (впервые именно он сформулировал новые принципы обороны)⁸. При такой точке зрения кремлевские фортификации действительно могут выглядеть «отсталыми» и не соответствующими передовым идеям эпохи: «Тип крепости, положенный в основу московского Кремля, был выработан в Ломбардии в XIV–XV вв. К концу XV в. он был уже несколько архаичным, так как не учитывал новейших фортификационных идей» [Подьяпольский, 1983. С. 34]. Но напомним, что Франческо ди Джорджо Мартини объясняет свои идеи на примере небольших крепостей — он использует термины *fortezza*, *castello* и *rocca*. Собственно, проектированию таких крепостей и замков с различными вариантами планировки и посвящена самая знаменитая часть его «Трактата о гражданской и военной архитектуре» (пятая книга) [Trattato di architettura, 1841.

4 Анализ кремлевских укреплений в таком контексте является целью нашего дальнейшего исследования.

5 «Следует подчеркнуть, что это была именно крепость („город“), способная в случае необходимости укрыть в своих стенах многие тысячи человек. Ее нельзя сопоставлять с западноевропейскими замками — каменными гнездами феодала и его приближенных. Внутри крепости не было отдельного неприступного убежища для правителя. Дворец великого князя был встроены в плотную застройку Кремля — своеобразного „города в городе“» [Борисов, 2018. С. 559].

6 В вопросе датировки строительства укреплений Московского Кремля при великом князе Иване III мы следуем за Д.А. Петровым, см.: [Петров, 2014].

7 Подробнее об этом см.: [Ревзина, 2016. С.11–63].

8 Подробнее см.: [Francesco di Giorgio architetto, 1993; Addis, 2016].

Р.242–314]. То есть речь идет о типологически другом виде укреплений, а не о стенах, окружающих город⁹.

Нужно учитывать еще два момента. Первая редакция трактата об архитектуре Франческо ди Джорджо Мартини относится к 1478–1481 гг., а более поздняя — к 1497–1500 гг., издан он был лишь в XIX в. Конечно, теоретические идеи Франческо ди Джорджо были известны современникам, тем не менее «альбомы с набросками отнюдь не издавались как книги; для распространения содержащихся в них идей, требовалось время» [Петров, 2012 С.157]¹⁰. Кроме того, в Италии в полной мере осознали необходимость кардинальных изменений принципов оборонного зодчества лишь после военного похода французского короля Карла VIII в 1494 г., на практике продемонстрировавшего новые возможности артиллерии, прежде не столь совершенной. Свидетель Итальянских войн Никколо Макиавелли писал: «Разрушающий огонь артиллерии так силен, что полагающийся на защиту одной стены и одного укрытия обманывает себя» [Макиавелли, 2023. С.193]. Подчеркнем, что вплоть до начала Итальянских войн роль артиллерии была не столь важной, и средневековые укрепления справлялись со своей задачей¹¹, хотя инженеры еще уже середины XV в. начали искать возможности, как приспособить их к новым реалиям войны¹². Кроме того, в самой Италии «фортификации, построенные в XV столетии, все еще включали в себя средневековые формы, которые не исчезли из военной архитектуры вплоть конца XVI столетия» [Kaufmann, Kaufmann, 2019. Р.179]. То есть фортификации Московского Кремля, в основном завершённые к 1495 г., даже без учета того, что враги Российского государства того времени не обладали передовыми военными технологиями¹³, необходимо рассматривать

9 Назовем несколько итальянских цитаделей и замков, построенных примерно в то же время, когда перестраивали Московский Кремль: крепость в Имоле (1480–1484), замок папы Юлия II в Остии (1483–1487), крепость Фирмафедде в Сарцане (1487–1494), цитадель в Поджо Импераале (1488–1511), форт Сангалло в Чивита Кастеллана (1499–1503), крепость Неттуно (1500–1503), Медичейская крепость в Сансеполькро (1502–1503) и др. Любопытно, что в трактате Никколо Макиавелли «О военном искусстве», написанном в 1519–1520 гг., все еще четко разделяются принципы укреплений городов и крепостей: «Тому, кто укрепляет город, я очень советую помнить одно: не надо устраивать отдельных бастионов на расстоянии от главной стены. А строителю крепостей посоветую другое: не делать в них никаких сооружений, куда осажденные могли бы отступить после потери передней стены...» [Макиавелли, 2023. С.191].

10 Исследования последних лет свидетельствуют о гораздо большем значении и распространённости идей Франческо ди Джорджо Мартини среди архитекторов конца XV–XVI столетия, чем было принято считать ранее. См., например: [Wolf, 2011; Waters, 2014 и др.]. Известно, что его тексты широко распространялись в эпоху Чинквеченто в рукописном виде [Gunther, 1989 и др.]. В целом о рисунках как медиуме для распространения теоретических идей см.: [Brothers, 2017].

11 См.: [Kaufmann., Kaufmann, 2019. Р.156–157].

12 Подробнее об этом см.: [Ревзина, 2016. С.27–31].

13 «Он (Московский Кремль, построенный при Иване III. — П.А.) вполне удовлетворял московским условиям, поскольку ни крымский хан, ни другие потенциальные враги Русского государства не располагали в этот период тяжелой осадной артиллерией» [Подьяпольский, 1983. С. 34].

не столько в контексте памятников фортификационного искусства «переходного периода» и идей Франческо ди Джорджо Мартини, сколько — и это более правомерно — в контексте более ранних памятников и архитектурной теории, представленной, в частности, трактатами Леона Баттисты Альберти и Филарете.

Леон Баттиста Альберти говорит о городских стенах в четвертой книге своего трактата, написанного около 1450 г. (впервые издан в 1485 г.)¹⁴. Третья глава начинается так: «Объем самого города и распределение его частей бывают, как мы знаем, различны, в зависимости от различия местностей, поскольку, очевидно, в горах ты не можешь, как на открытой равнине, провести любые очертания стен — круглые, четырехугольные или иные, какие тебе понравятся. Древние зодчие при окружении городов стенами избегали делать углы, которые более помогают нападающим врагам, чем защищают жителей, и притом недостаточно крепки, чтобы выдерживать натиск машин. Конечно, для засады и метания стрел углы дают немало преимуществ осаждающим, так как дают возможность делать вылазки и укрываться. Наоборот, в горных городах они являются иногда сильнейшей защитой там, где пересекают направления улиц. Если бы враг задумал напасть в лоб на один из углов Перуджии, знаменитого города, простирающего свои селения по окружающим холмам, точно рука, которая растопыривает пальцы, он не мог бы этого сделать, двинувшись большим отрядом, ибо, натолкнувшись как бы на твердыню, не выдержал бы метаемых снарядов и вылазов. Ясно, что при окружении города стеной не всюду применимы одни и те же правила» [Альберти, 1935. С. 116]. Это сразу напоминает нам, что «основополагающим принципом архитектора Возрождения был принцип разнообразия — *varietà*» [Баталов, 2016. С. 233]. Вспоминая различные города древности, Альберти заключает: «Мы постараемся извлечь преимущества из положения самого города, что, как мы заметили, делали и древние, считаясь с условиями местности и необходимостью... В конце концов, какое бы очертание города мы ни одобрили, Вегеций полагает, что в достаточной мере будут учтены требования необходимости, если мы сложим стены настолько широкие, что вооруженные бойцы не будут мешать друг другу при встрече, если мы возведем их настолько высокими, что по приставленным лестницам нельзя будет через них перелезть, и если мы так укрепим их известью и кладкою, что они не поддадутся таранам и машинам» [Альберти, 1935. С. 118–119]. Эта цитата представляется важной, поскольку она, как нам кажется, позволяет дать теоретическое обоснование тому, что кремлевские стены, построенные Пьетро Антонио Солари, отличаются от современных им итальянских сооружений своей высотой. В самом деле, Д.А. Петров справедливо заметил: «Москворецкий фронт Кремля, построенный в 1485–1489 гг. Антоном Фрязиным при участии Марко Фрязина, с его низкими стенами и башнями, чуть возвышающимися над стенами, равномерной и частой постановкой башен на коротких дистанциях, значительно больше напоминал итальянские крепости 1460–1480-х гг.

14 Об Альберти и фортификационном искусстве см.: [Bevilacqua, Willams, 2014].

и другие крепости этого времени (Фамагуста, Дубровник, Родос)», в то время как «Солари сразу же стал строить стены большой высоты» [Петров, 2012. С. 147]. К сожалению, об Антоне и Марко Фрязине практически ничего не известно, и остается лишь гадать, обусловлены ли указанные особенности москворецкого фронта Кремля тем, что этим архитекторам были известны современные тенденции фортификации, или тем, что они в той или иной степени воспроизводили формы старых укреплений. Нельзя исключать, что более низкие стены москворецкого фронта можно объяснить тем, что он защищен непосредственно рекой. Однако Пьетро Антонио Солари, безусловно, должен был быть знаком с трактатом Альберти. Недавно нам удалось опровергнуть общепринятое в науке положение о том, что представители семьи Солари не имели опыта в фортификационном искусстве (как говорилось выше, такой опыт был у Джованни и Гвинифорте Солари), тем не менее информации о том, что до приглашения в Москву сам Пьетро Антонио занимался возведением или ремонтом оборонительных сооружений, нет [Алёшин, 2023. С. 52]. Поэтому логично предположить, что, приступив к работе над кремлевскими укреплениями, мастер опирался, с одной стороны, на свои теоретические знания в этом вопросе, и, с другой, должен был вспоминать оборонительные сооружения, которые видел сам, — в первую очередь, речь идет о средневековых городских стенах Милана¹⁵ и Каstellо Сфорцеско (об этом см. ниже).

Следуем далее за Альберти: «Машин существуют два вида. Одни, которые разрушают сооружение толчком и ударом, другие — которые подкапывают стены и их подрывают. От тех и других, по большей части, обороняются не столько стеною, сколько рвом, и в этом отношении одобряют только ту стену, которая возведена от нижнего уровня воды или от твердого камня. Самый же ров должен быть широким и очень глубоким, чтобы не дать приблизиться тарану, передвижной башне и тому подобному; ведь когда наткнешься на воду или скалу, всякая попытка сделать подкоп оказывается тщетной. У военных под вопросом, лучше ли, чтобы ров был наполнен водой, или следует отдать предпочтение сухому, ибо полагают, что нельзя не считаться с здоровьем жителей. Но они одобряют тот ров, в котором можно тотчас же убрать и без труда очистить все, что обрушится от ударов снарядов, дабы по образовавшейся насыпи не открывался доступ осаждающему врагу» [Альберти, 1935. С. 119]. Вспомним, что в 1508 г. уже великий князь Василий III Алевизу Старому повелел «ров делати камением и кирпичем»¹⁶, который соединил Москву-реку и Неглинную, и, таким образом, Кремль оказался полностью окружен водой.

В следующей главе четвертой книги трактата Альберти продолжается повествование о городских укреплениях. Там речь идет в том числе непосредственно о техниках возведения стен, о возможности их защиты от снарядов с помощью внешних контрфорсов, о частоте расположения башен и их внутреннем устройстве, а также о воротах. В этих вопросах почти нет

15 Большая часть средневековых стен Милана была разрушена в XVI–XIX вв.

16 ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 8.

соответствий тому, что было реализовано итальянскими мастерами в Кремле¹⁷, за исключением двух моментов: Альберти говорит о необходимости возведения башен «более высоких, чем стена», о том, что башни могут быть круглыми («башни с выступающим полукругом фасадами») и о важности венцов, которые «служат украшению башням и стенам, придают им крепость и спайку и препятствуют влезанию по приставленным лестницам» [Альберти, 1935. С. 121]. Сочетание высоких воротных башен и более низких по сравнению с ними глухих башен, как в Кремле, — характерная черта итальянских городских укреплений Средних веков. Указанный принцип можно увидеть, например, на изображении Милана из рукописи птолемеевой «Космографии» 1472 г.¹⁸ и на гравюре 1493 г. с изображением Флоренции из Нюрнбергской хроники¹⁹. К сожалению, средневековые башни и стены Милана почти не сохранились, но одна сохранившаяся башня дошедших до нашего времени ворот Порты Тичинезе сильно возвышается над уровнем стены, как и знаменитая башня Филарете в Каstellо Сфорцеско, построенном в середине XV в.

Перед тем как перейти непосредственно к тексту трактата Филарете, напомним, что хотя его трактат, завершённый около 1465 г., впервые был напечатан только в 1894 г., он был довольно широко распространён в Ломбардии во второй половине XV в. в виде рукописи. Отметим также, что Филарете в свое время работал с Аристотелем Фиораванти и Гвинифорте Солари, так что знакомство с его идеями Пьетро Антонио Солари и других итальянских архитекторов, строивших Кремль, не подлежит сомнению²⁰.

В книге четвертой своего трактата Филарете рассказывает о строительстве стен и башен Сфорцинды, вымышленного идеального города. Строить их предполагается из кирпича: «Так как мы хотим сделать стены Сфорцинды толщиной в шесть браччо, получится 384 кирпича в одном браччо стены. Делая ее 20 браччо высотой, как я говорил, в одном браччо стены, шесть браччо толщиной и 20 высотой, будет 7680 кирпичей» [Филарете, 1999. С. 57]. То есть, переводя в метры, получаем такие размеры: ширина стены — около 4,2 м, высота — 14,2 м. Башни в Сфорцинде — разные по плану: и круглые (в углах) [Там же. С. 70] и квадратные (в стене) [Там же. С. 76]: нельзя в этом случае не вспомнить две круглые и одну многогранную в плане башни Кремля на трех из четырех его углов — Водовзводную, Беклемишевскую и Угловую Арсенальную. Далее Филарете корректирует некоторые размеры: «Среди прочего, он (герцог Милана. — П.А.) спросил, почему я сузил стену над фундаментом

с восьми браччо ширины, какие я назначил, до семи» [Там же. С. 71]. То есть для стены в тексте даны три разных обозначения ширины: 6, 7 и 8 браччо, что соответствует 4,2, 5 и 5,7 м. Реальная ширина кремлевских стен — от 3,5 до 6,5 м, что вполне соотносится с диапазоном ширины стен у Филарете. Высота кремлевских стен — в зависимости от рельефа от 5 до 19 м (14,2 м — у Филарете). Внутри стен Филарете предполагает сделать внутренние ходы: «Завтра, когда стена поднимется на семь браччо, я заложу пяты в стене, чтобы перебросить своды. Затем, к городу, то есть изнутри, я подниму стену на три браччо вверх, и она будет только один браччо шириной. Я сделаю амбразуры через определенные промежутки так же, как и снаружи, в экстерьере. Затем, поверх этих трех браччо, я сделаю через каждые два браччо пилястру толщиной в один браччо, как и стена. Я подниму их на четыре браччо, а затем с одной на другую я перебросю арку, которая поднимет меня еще на браччо. Этот проход будет на высоте девять браччо над землей. Он будет шириной в два браччо, то есть его просвет, и будет накрыт сводом в один браччо толщиной. При заданных размерах он будет высотой десять браччо в замке, то есть в самом высоком месте. Я намереваюсь сделать второй проход над этим, семь браччо высотой с парапетом с городской стороны в полтора браччо и не более. С наружной стороны будут бойницы и время от времени амбразуры — там, где я думаю, они необходимы. Когда второй проход будет завершен, я начну консоли третьего с наружной стороны стены, и я подниму их до верха стены, с тем что каждая будет выступать на полтора браччо. Промежуток между консолями будет такой же, то есть полтора браччо. Я перебросю свод и сделаю его достаточно прочным, чтобы удержать толщину в три браччо. Поверх будут башни, а над консолями поднимутся зубцы. В сторону города будет обращен парапет, полтора браччо вышины и в полбраччо толщиной. Наружная стена будет сохранять четыре браччо толщины, за исключением ее основания и вершины» [Там же. С. 72]. Что важно в этом фрагменте? Идея использования внутренних ходов. О внутренних ходах внутри кремлевских стен писал С.П. Бартечев: «Кроме подземных ходов, обеспечивающих тайное сообщение с башнями, в толще самой стены, на всем ее протяжении, были устроены внутренние ходы, соединявшие между собою все башни и имевшие отверстия для прямого обстрела лежащей впереди местности» [Бартечев, 1912. С. 38]. В начале XX в., по крайней мере, внутренний ход внутри стены существовал между Константино-Еленинской и Набатной башнями [Там же. С. 101], и «вероятно, внутренне ходы, подобные описанным, существуют еще и в других пряслах Кремлевской стены, но в настоящее время они неизвестны, ибо строение стен изучено весьма мало» [Там же. С. 102].

Далее Филарете вновь говорит о башнях: «Я хочу, чтобы они (башни. — П.А.) на полквadrата, то есть на десять браччо, были выше стен, со сводами, консолями и крытыми зубцами. Одна придется на каждое прясло стены. Мы устроим их так, чтобы когда их закончат, в них можно было жить, как было в Риме, если я не ошибаюсь» [Филарете, 1999. С. 72]. Эти башни в пряслах, таким образом, должны были быть на 7 м выше стен.

- 17 Сам Альберти в этих вопросах во многом следует даже не за средневековой практикой возведения городских стен, а за античной, ссылаясь на [Альберти, 1935. С. 118–120].
- 18 Апостольская ватиканская библиотека, Рим, Urb. Lat. 277. 129 v.
- 19 Изображение гравюры см.: URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/archive/b/ba/20170728095613%21Nuremberg_chronicles_-_FLORENCIA.png (дата обращения: 17.07.2022).
- 20 См., например: [Rossi, 1988]. Одно из последних обобщающих исследований о Филарете см.: [Hub, 2020].

Разговор о городских укреплениях продолжается в следующей книге трактата. Вокруг Сфорцинды Филарете предполагает соорудить ров: «Я распорядился, чтоб утром в первую очередь все пришли с кирками, лопатами и мотыгами. Я хочу, чтобы Вы первым начали при откопке рва. Он будет в десяти браччо от стены. Я хочу сделать его 30 браччо шириной (21 м. — П.А.), если такой размер Вас удовлетворит. Как только это будет сделано, стены рва будут выложены с обеих сторон» [Там же. С. 75]. Для сравнения: «Алевизов ров», созданный по велению Василий III, достигал 35 м в ширину [Бондаренко, 2017]. Далее Филарете рассказывает о жилых башнях в стене [Филарете, 1999. С. 76], и, как заметил Д.А. Петров, «нельзя не обратить внимание на почти полную параллель между структурой Спасской башни и описанием воротной башни в трактате Филарете (тут автор не совсем точен: речь идет о башнях внутри прясел стен. — П.А.), где рассказывается о маршевых лестницах, устроенных между стенами и ведущих в помещения башни, находящиеся одно над другим» [Петров, 2012. С. 151]. Далее Филарете говорит и об угловых круглых в плане башнях: «Способ, каким я это спроектировал, как Вы увидите, таков. Ваша Милость уже знаете, что эти башни будут круглыми, на квадрате со стороной 40 браччо. Я сокращаю этот квадрат до окружности длиной 120 браччо. Я сделаю стену толщиной семь браччо, поместив внутрь нее лестницу два браччо шириной. Наружная стена [наиболее удаленная] от города — шесть браччо толщиной, а затем она постепенно утончается, чтобы в самом тонком месте быть два браччо. Эта [часть] обращена внутрь города и занимает одну шестую часть круга. Остальные пять частей утолщаются, как Вы можете видеть на рисунке... Их можно сделать такой высоты, как Вы пожелаете... В моем намерении — квадрат... Они 40 браччо от уровня земли или 20 браччо над верхом стены» [Филарете, 1999. С. 81]. Угловые круглые башни еще больше возвышаются над стеной, чем квадратные башни в стенах — на 20 браччо, то есть на 14 м. Любопытно, что в угловых башнях Филарете предполагал возможность сделать колодцы [Там же. С. 82] — как это было сделано позднее в Кремле: сейчас колодец сохранился только в Угловой Арсенальной башне, а первоначально такие были в других угловых башнях [Земцов, 1981. С. 60].

Таким образом, как и Альберти, Филарете утверждает, что башни должны быть выше стен, при этом для разных башен (внутри прясел и угловых круглых) дает разное превышение высоты стен.

И наконец, Филарете рассказывает герцогу об устройстве ворот [Филарете, 1999. С. 85–92]. В этом вопросе аналогий с укреплениями Кремля нет, поскольку в Московском Кремле ворота устроены непосредственно в башнях, однако обратим внимание на один фрагмент текста: «затем он сказал мне, что весьма доволен, что их (южные ворота. — П.А.) сделали таким образом. Он также пожелал, чтобы у подножия зубцов была установлена мраморная плита с надписью, которая объявляла бы имя башни (речь идет о башне ворот. — П.А.), год, время, за которое она была построена, окружность города и число мастеров и рабочих, которые его построили. „Пусть такая надпись будет на каждах воротах, и пусть это выполнят быстро. Сделай мне здесь площадку,

подобную дворику: квадрат со сторонами, равными ширине ворот; пусть это будет не выше 12 браччо над землей и украшено зубцами, как ты сочтешь нужным. Десять браччо высоты и шесть ширины для того довольно. Пусть это будет так же красиво, как и ворота; то же сделай и у всех остальных. Так как я должен выбрать имена ворот, я хочу, чтобы эти назывались Бландиссима“. Я распорядился, чтобы камень и надпись были подготовлены и утверждены на место, какое он указал... Он продолжал осматривать ворота и, когда я его нагнал, он дал мне имена остальных семи. Эти имена, как я сказал, надлежало высечь в мраморе вместе с прочими словами, им произнесенными» [Там же. С. 91]. Как тут не вспомнить о горделивой надписи Пьетро Антонио Солари с двух сторон Спасской башни Кремля — на латинском и русском языках (хотя, безусловно, установка подобных надписей не является изобретением Филарете: их создание было распространенной практикой в Европе).

Как же соотносятся кремлевские башни (в частности, нам важен вопрос о высоте башен) с идеями, высказанными в трактате Филарете? Конечно, нужно учитывать не современную высоту башен Кремля, а ту, которая была в начале XVI в., без более поздних шатровых завершений (первая башня, над которой при царе Михаиле Фёдоровиче в 1620-е гг. добавили шатровое завершение, стала Фроловская (Спасская)). О первоначальном облике возведенного итальянцами Кремля позволяют, хоть и с оговорками, судить его изображения начала XVII в. — гравюра «Кремленаград», впервые опубликованная в 1613 г., и так называемый «Сигизмундов план» 1610 г. (и его повторение 1618 г.). Кремлевские башни были более приземистыми и не сильно возвышались над стенами. Особенно, как упоминалось выше, это касается Москворецкого фронта. Согласно «Кремленаграду» три проездные башни — Спаская, Никольская и Троицкая — явно отличались высотой от других башен и сильнее возвышались над стенами. На «Сигизмундовом плане», помимо названных башен, чуть выше глухих башен в пряслах стен и угловые башни — Беклемишевская, Угловая Арсенальная (Собакина) и Водовзводная (Свиблова). Речь не идет о превышении стен на 14 м, как сказано в трактате Филарете, но ясно видно, что угловые и проездные башни Кремля изначально несколько отличались размерами от глухих башен в пряслах стен, что соотносится с двумя видами башен у Филарете: только кроме угловых, строители Кремля выделили размерами также проездные башни, что вполне естественно: выше мы уже говорили, что большие размеры проездных башен по сравнению с другими башнями характерны для городских укреплений Италии XIV–XV вв.

Завершая рассмотрение фортификаций Московского Кремля в контексте архитектурной теории Италии XV в., следует сказать, что их итальянские создатели, работая над уникальным заказом в другой стране, безусловно, продолжали мыслить характерными для них категориями творчества в рамках существовавшей в Италии XV в. архитектурной теории. Однако это было не слепое следование теории, но ее творческое осмысление, учитывавшее современную на тот момент практику возведения и ремонта (перестройки) городских оборонительных сооружений в Италии того времени, в рамках которой

инженеры искали новые решения, позволяющие вести активную оборону и предусматривающие все более активное применение огнестрельного оружия.

Таким образом, наше исследование показывает, что не совсем корректно рассматривать Московский Кремль в контексте теоретических идей Франческо ди Джорджо Мартини и сравнивать их с памятниками «переходного периода» в истории европейского фортификационного искусства, которые представляют собой по большей части отдельные небольшие крепости или форты. Кремлевские укрепления относятся к иной типологии фортификаций, это городские оборонительные сооружения, сочетающие в себе оборонительную и репрезентативную функции. О том, что именно в таком ключе их воспринимали приглашенные в Россию итальянские зодчие, свидетельствуют найденные нами соответствия между решениями, принятыми ими при возведении Кремля, и идеями, высказанными в трактатах Альберти и Филарете касательно городских стен и башен и сохранявшими свою актуальность в конце XV — начале XVI в., а особенность заказа — необходимость перестройки обветшалых сооружений с сохранением обороноспособности города — может быть еще одним доказательством того, что кремлевские фортификации перестраивались не по разработанному заранее общему проекту.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешин П. А. Итальянский период творчества Пьетро Антонио Солари. Архитектура // Искусствознание. 2023. № 1. С. 38–55.
- Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. В 2 т. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935. Т. 1. 392 с.
- Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1: Исторический очерк кремлевских укреплений. М.: Мин-во Имп. двора, 1912. 259 с.
- Баталов А. Л. Некоторые направления в теории и практике итальянского Ренессанса и их отражение в деятельности итальянских архитекторов в России в XVI веке // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. ст. Вып. 6 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 229–241.
- Бондаренко И. А. Московский Кремль // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017); https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2233711 (дата обращения: 07.02.2025).
- Борисов Н. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2018. 644 с.
- Воробьев А. В., Подъяпольский С. С. Беклемишевская башня Московского Кремля по данным реставрационных наблюдений // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1990. Вып. 3. С. 80–85.
- Воротникова И. А., Неделин В. М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков: крепости Центральной России. М.: БуксМАрт, 2013. 888 с.
- Земцов С. М. Архитекторы Москвы второй половины XV — первой половины XVI века // Зодчие Москвы XV–XIX вв. М.: Московский рабочий, 1981. С. 42–80.
- Косточин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 287 с.

- Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. Ч. 1. III, 315, [3] с.
- Макиавелли Н. О военном искусстве / Пер. с итал. П. Епифанова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 347 с.
- Мильчик М. И. Итальянские мастера — строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. СПб., 1994. Вып. 5 (15). С. 184–202.
- Мильчик М. И. Кремли России, построенные итальянцами, и проблема их дальнейшего изучения // Кремли России / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 2003 (Материалы и исследования / Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник „Московский Кремль“»; 15). С. 509–517.
- Носов К. С. Итальянцы и «итальянизмы» в русском военном зодчестве Великого княжества московского (последняя треть XV — первая половина XVI в.): историографический обзор // Военно-исторический журнал. 2020. № 3. С. 84–93.
- Петров Д. А. Пьетро Антонио Солари — строитель стен и башен Московского Кремля // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы 2011 / Отв. ред. В. Е. Анисимова. М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 139–161.
- Петров Д. А. Возведение Московского Кремля, Новгородского Детинца и крепости Иваногород в контексте строительной ситуации в московском государстве 1480–1490-х гг. // Вопросы истории фортификации. 2013. № 4. С. 21–38.
- Петров Д. А. Русские летописи и вопросы хронологии строительства стен и башен Московского Кремля в 1480–1490-х гг. // Архитектурное наследие. Вып. 60. М.; СПб., 2014. С. 27–42.
- Перхавко В. Б. Реконструкция Московского Кремля в начале правления Ивана III // Кремль России. Тез. докл. всероссийского симпозиума (Москва, 23–26 ноября 1999 года) / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 1999. С. 21–23.
- Подъяпольский С. С. Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуция, датировки. М., 1983. С. 34–50.
- Резвина Ю. Е. Архитектура, война и география: фортификация XVI–XVIII веков в Европе и России. М.: Архитектура-С, 2016. 344 с.
- Филарете (Антонио Аверлино). Трактат об архитектуре / Пер. В. Л. Глазычева. М.: Рус. ун-т, 1999. 446 с.
- Addis B. Francesco di Giorgio's contribution to the development of building engineering // Construction History. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 39–58.
- Bevilacqua M. G., Williams K. Alberti and Military Architecture in Transition // Nexus Network Journal. 2014. Vol. 16. P. 523–541.
- Brothers C. What Drawings Did in Renaissance Italy // Renaissance and baroque architecture / Ed. by A. Payne. Chichester: Wiley Blackwell, 2017. P. 104–135.
- Francesco di Giorgio architetto / A cura di F. P. Fiore, M. Tafuri. Milano: Mondadori Electa, 1993. 426 p.
- Günther H. Serlio e gli ordini architettonici // Sebastiano Serlio / Éd. C. Thoenes. Milan: Electa, 1989. P. 154–168.
- Hub B. Filarete: Der Architekt der Renaissance als Demiurg und Pädagoge. Wien: Böhlau Verlag, 2020. 670 S.
- Kaufmann J. E., Kaufmann H. W. Castle to Fortress: Medieval to Post-modern Fortifications in the Lands of the former Roman Empire. Yorkshire; Philadelphia: Pen & Sword Books, 2019. 248 p.
- Rossi M. I contributi del Filarete e dei Solari alla ricerca di una soluzione per il tiburio del Duomo di Milano // Arte Lombarda. 1981. Nuova Serie. No. 60, Atti del Convegno: Umanesimo problemi aperti 1 (1981). P. 15–23.
- Trattato di architettura civile e militare di Francesco di Giorgio Martini, architetti senese del secolo XV. Torino: Tipografia Chirio e Mina, 1841. Vol. 1. 340 p.

Waters M.J. Francesco di Giorgio and the Reconstruction of Antiquity. Epigraphy, Archeology, and Newly Discovered Drawings // Pegasus: Berliner Beiträge zum Nachleben der Antike; 16.2014. S. 9–102.

Wolf E.M. Reevaluating Francesco di Giorgio on the Form and Nomenclature of Columns // Reconstructing Francescodi Giorgio Architect / Ed. by B. Hub, A. Polalli. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2011. P. 33–58.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Укрепления Московского Кремля и архитектурная теория в Италии XV века

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алёшин Павел Алексеевич — кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Музей Московского Кремля, Кремль, Москва, Российская Федерация, 103132. paleshin@bk.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются укрепления Московского Кремля, построенные итальянскими мастерами при великом князе Иване III, в контексте архитектурной теории Италии XV в. Объясняется, почему не совсем корректно рассматривать их в контексте идей Франческо ди Джорджо Мартини и сравнивать их с памятниками «переходного периода» в истории европейского фортификационного искусства (1470–1520-е гг.), и почему правильнее рассматривать кремлевские оборонительные сооружения в контексте более ранних памятников и архитектурной теории, представленной, в частности, трактатами Леона Баттисты Альберти и Филарете. Анализ укреплений Московского Кремля в свете идей, высказанных Альберти и Филарете, показывает, что, работая над конкретным заказом — перестройкой обветшавших средневековых городских укреплений, итальянские архитекторы, продолжали мыслить характерными для них категориями творчества в рамках существовавшей в Италии XV в. архитектурной теории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Альберти, архитектурная теория, фортификационное искусство, Московский Кремль, Ренессанс, Филарете.

TITLE

Fortifications of the Moscow Kremlin and Architectural Theory in 15th Century Italy

AUTHOR

Aleshin, Pavel Alekseevich — PhD (Art History), researcher, Moscow Kremlin Museums, Kremlin, 103132, Moscow, Russian Federation. paleshin@bk.ru

ABSTRACT

The article analyzes the fortifications of the Moscow Kremlin, built by Italian masters during the reign of Grand Duke Ivan III, in the context of the architectural theory of 15th-century Italy. It explains why it is not entirely correct to consider them in the context of the ideas of Francesco di Giorgio Martini and compare them with the monuments of the 'transitional period' in the history of European fortification art (1470–1520s), and why it is more correct to consider the Kremlin defensive structures in the context of earlier monuments and architectural theory,

presented, in particular, by the treatises of Leon Battista Alberti and Filarete. An analysis of the fortifications of the Moscow Kremlin in light of the ideas expressed by Alberti and Filarete shows that, while working on a specific order — the rebuilding of the dilapidated medieval city fortifications — Italian architects continued to think in their characteristic categories of creativity within the framework of the architectural theory that existed in Italy in the 15th century.

KEYWORDS

Alberti, architectural theory, art of fortification, Filarete, Moscow Kremlin, Renaissance.

REFERENCES

- Addis B. Francesco di Giorgio's contribution to the development of building engineering. *Construction History*, 2016, vol. 31, no. 2, pp. 39–58.
- Al'berti Leon Battista. *Desjat' knig o zodchestve (Ten Books on Architecture)*, vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo Vsesojuznoj akademii arkhitektury Publ., 1935. 392 p. (in Russian).
- Aleshin P.A. The Italian Period of Pietro Antonio Solari's Oeuvre. *Architecture. Iskusstvoznanie (Art Studies Magazine)*, 2023, no. 1, pp. 38–55 (in Russian).
- Bartenev S.P. *Moskovskij Kreml' v starinu i teper' . Kn. 1: Istoricheskij ocherk kreml'evskikh ukreplenij (The Moscow Kremlin in the Past and Present. Book 1: A Historical Outline of the Kremlin Fortifications)*. Moscow, Min-vo Imp. dvora Publ., 1912. 259 p. (in Russian).
- Batalov A.L. Some Principles of Italian Renaissance Theory and Practice and Their Reflection in the Work of Italian Architects in Russia in the 16th Century, ed. by A.V. Zakharova, S.V. Mal'tseva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of Theory and History of Art)*, 2016, vol. 6, pp. 229–241 (in Russian).
- Bevilacqua M.G., Williams K. Alberti and Military Architecture in Transition. *Nexus Network Journal*, 2014, vol. 16, pp. 523–541.
- Bondarenko I.A. The Moscow Kremlin. *Great Russian Encyclopedia*, electronic version. 2017. Available at: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2233711 (accessed 07.02.2025).
- Borisov N. *Ivan III*. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2018. 644 p. (in Russian).
- Brothers C. What Drawings Did in Renaissance Italy. *Renaissance and baroque architecture*, ed. by A. Payne. Chichester, Wiley Blackwell, 2017, pp. 104–135.
- Filarete (Antonio Averlino). *Traktat ob arkhitekture (Treatise on Architecture)*, transl. by V.L. Glazychev. Moscow, Russkii universitet Publ., 1999. 446 p. (in Russian).
- Fiore F.P., Taruffi M. (eds.). *Francesco di Giorgio architetto*. Milan, Mondadori Electa, 1993. 426 p. (in Italian).
- Günther H. Serlio e gli ordini architettonici. *Sebastiano Serlio*, éd. C. Thoenes. Milan, Electa, 1989, pp. 154–168.
- Hub B. *Filarete: Der Architekt der Renaissance als Demiurg und Pädagoge*. Wien, Böhlau Verlag, 2020. 670 S. (in German).
- Kaufmann J.E., Kaufmann H.W. *Castle to Fortress: Medieval to Post-modern Fortifications in the Lands of the former Roman Empire*. Yorkshire, Philadelphia, Pen & Sword Books Publ., 2019. 248 p. (in English).
- Kostochin V.V. *Russkoe oboronnoe zodchestvo konca XIII – nachala XVI vv. (Russian Defensive Architecture of the Late 13th – Early 16th Centuries)*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962. 287 p. (in Russian).
- Laskovskij F.F. *Materialy dlja istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Materials for the History of Engineering Art in Russia)*, part 1. St. Petersburg, 1858. 315 p. (in Russian).
- Machiavelli N. *O voennom iskusstve (The Art of War)*, transl. by P. Epifanov. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2023. 347 p. (in Italian).

- Mil'chik M.I. Italian Masters — Builders of the Ivangorod Fortress. *Novgorodskij istoricheskij sbornik (Novgorod Historical Collection)*. St. Petersburg, 1994, no. 5 (15), pp. 184–202 (in Russian).
- Mil'chik M.I. The Russian Kremlins Built by Italians, and the Problem of Their Further Study. *Kreml'i Rossii (Kremlins of Russia)*, ed. by N.S. Vladimirskaya. Moscow, 2003, pp. 509–517 (Materialy i issledovanija. Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik "Moskovskij Kreml'"; 15) (in Russian).
- Nosov K.S. Italians and "Italianisms" in Russian Military Architecture. The Contribution of Foreign Masters to the Building of Fortresses and Other Defensive Installations of the Grand Duchy of Moscow (Late 15th Century — First Half of the 16th Century). *Voennostoricheskij zhurnal (Military Historical Journal)*, 2020, no. 3, pp. 84–93 (in Russian).
- Perhavko V.B. Reconstruction of the Moscow Kremlin at the Beginning of the Reign of Ivan III. *Kreml'i Rossii. Tezisy dokladov vserossijskogo simpoziuma (Moskva, 23–26 nojabrja 1999 goda) (Kremlins of Russia. Abstracts of the All-Russian Symposium (Moscow, November 23–26, 1999))*, ed. by N.S. Vladimirskaya. Moscow, 1999, pp. 21–23 (in Russian).
- Petrov D.A. Pietro Antonio Solari — Builder of the Walls and Towers of the Moscow Kremlin. *Lazarevskie chteniia. Iskusstvo Vizantii, Drevnei Rusi, Zapadnoi Evropy. Materialy nauchnoi konferentsii. 2011 (Viktor Lazarev's Memorial Readings. Art of Byzantium, Old Russia and Western Europe. Proceedings of the Conference. 2011)*, ed. by V.E. Anisimova. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2012, pp. 139–161 (in Russian).
- Petrov D.A. The Construction of the Moscow Kremlin, the Novgorod Detinets, and the the Ivanogorod Fortress in the Context of the Construction Situation in the Moscow State in the 1480s–1490s. *Voprosy istorii fortifikacii (Questions of Fortification History)*, 2013, no. 4, pp. 21–38 (in Russian).
- Petrov D.A. Russian Chronicles and the Construction Chronology of the Walls and Towers of the Moscow Kremlin in the 1480s–1490s. *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*. Moscow; St. Petersburg, 2014, vol. 60, pp. 27–42 (in Russian).
- Pod'japol'skij S.S. The Architect Petrok Maloj. *Pamjatniki ruskoj arkhitektury i monumental'nogo iskusstva. Stil', atribucii, datirovki (Monuments of Russian Architecture and Monumental Art. Style, Attributions, Dating)*. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 34–50 (in Russian).
- Revzina Ju.E. *Arkhitektura, vojna i geografija: fortifikacija XVI–XVIII vekov v Evrope i Rossii (Architecture, War and Geography: Fortification of the 16th–18th Centuries in Europe and Russia)*. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2016. 344 p. (in Russian).
- Rossi M. I contributi del Filarete e dei Solari alla ricerca di una soluzione per il tiburio del Duomo di Milano. *Arte Lombarda*, 1981, Nuova Serie, no. 60, Atti del Convegno: Umanesimo problemi aperti 1 (1981), pp. 15–23.
- Trattato di architettura civile e militare di Francesco di Giorgio Martini, architetti senese del secolo XV*, vol. 1. Turin, Tipografia Chirio e Mina Publ., 1841. 340 p. (in Italian).
- Vorob'ev A.V., Pod'japol'skij S.S. The Beklemishevskaya Tower of the Moscow Kremlin According to Restoration Observations. *Restavracija i issledovanija pamjatnikov kul'tury (Restoration and Research of Cultural Monuments)*, 1990, vol. 3, pp. 80–85 (in Russian).
- Vorotnikova I.A., Nedelin V.M. *Kreml'i, kreposti i ukreplennye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov: kreposti Tsentral'noi Rossii (Kremlins, Fortresses, and Fortified Monasteries of the Russian State of the 15th–17th Centuries: Fortresses of Central Russia)*. Moscow, BuksMart Publ., 2013. 888 p. (in Russian).
- Waters M.J. Francesco di Giorgio and the Reconstruction of Antiquity. Epigraphy, Archeology, and Newly Discovered Drawings. *Pegasus: Berliner Beiträge zum Nachleben der Antike*; 16.2014, S. 9–102.

- Wolf E.M. Reevaluating Francesco di Giorgio on the Form and Nomenclature of Columns. *Reconstructing Francesco di Giorgio Architect*, ed. by B. Hub, A. Polalli. Frankfurt am Mein, Peter Lang, 2011, pp. 33–58.
- Zemcov S.M. *Architects of Moscow in the Second Half of the 15th — First Half of the 16th Centuries. Zochie Moskvj XV–XIX vv. (Architects of Moscow of the 15th — 19th Centuries)*. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1981, pp. 42–80 (in Russian).